

07.00.00 Historical sciences and archaeology

07.00.00 Исторические науки и археология

UDC 94

Ingush and The Chechen Republics: Sunzhensky District and Other Bordering Areas are Not a Subject For Disputes... *

Nikolai F. Bugai

Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Russia
Dr. (history)

Abstract. This article deals with the issues of interrelations between two republics. The key issue is a dispute over the Sunzhensky District. A step-by-step development of the issue over the years is shown. Unfortunately, the fact of personification in the state policy of two republics can be traced, and no attention is paid to the opinions of Ingush and Chechen people, and the Russians in the course of the years have lost their influence over the disputes between Ingush and The Chechen Republics.

Keywords: the Sunzhensky District; okrug; the Cossacks, resettlements by force; state construction; people; borders; conflicts.

Введение. Однозначно, в цивилизованном обществе в решении государственных вопросов так быть не должно. Оскорбительные выпады лидеров республик по отношению друг друга не могут быть отправной точкой как в установлении государственной границы, так и внутренней границы между субъектами России, в данном случае Ингушской и Чеченской республиками, бывшими некогда единым государственным образованием Союза ССР, на территории которого в числе титульных этнических общностей расселялись чеченцы, ингуши, русские, представители других этнических общностей.

Главы республик вправе ставить любые вопросы, касающиеся территории их субъектов, а тем более при наличии уже длительное время тлеющего пограничного спора. Общепринято, что вопрос о территории – это есть вопрос о напряженных отношениях. Поэтому необходимо, все-таки, исходить из позиций мирного решения проблемы, на консенсусной основе, за столом, возможно, и длительных переговоров. Применительно к Кавказу в этом плане имеется накопленный богатый опыт решения подобной проблемы, например, между Республикой Дагестан и ставшим самостоятельным и суверенным государством Азербайджан. В современных условиях каждая из республик располагает богатым научным потенциалом, научными и учебными центрами, в которых трудятся специалисты и знакомые не понаслышке, и знающие эту проблему [1].

Только с учетом исторического, экономического, философского начал и прогностического принципа можно будет выработать подступы к практическому решению проблемы, найти разумный выход, базирующийся на согласии и удовлетворяющий в определенной мере интересы обеих сторон. Противоположным мирному решению вопроса, может быть только нагнетание конфликта, недосказанность, нерешенность и тупиковое состояние, что и имеет место в отношении двух рассматриваемых субъектов на Северном Кавказе и содействует разжиганию национального психоза.

Обсуждение. В качестве спорных объектов в отношениях двух республик, по определению главы администрации Чеченской Республики Р. Кадырова, выступают Сунженский и Малгобекский районы, в некоторых отзывах упоминается еще и Ачхой-Мартановский район. Однако эта проблема не может решаться диалогом двух глав

* Проект подготовлен при поддержке – Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А.П. Деревянко). Направление 2. Советская модернизация и ее влияние на российское общество (координаторы – чл.-корр. РАН Е.И. Пивовар, д.и.н. Ю.А. Петров).

республик, независимо от того, в каком направлении развивается этот диалог, как не может она зависит от собственных взглядов лидеров республик [2]. Вопрос имеет чисто государственный характер. Он может быть решенным в рамках Конституции России, в соответствии с существующими положениями и механизмами, заложенными в самой Конституции России и последующих нормативно-правовых актах.

Более того, обоим лидерам известно, что данный вопрос уже был в центре внимания и рассматривался в 1991 г. и сразу же после провозглашения Ингушской Республики. Но условия для этого в самих республиках были не совсем подходящие, шла ожесточенная война.

Одним словом, в приграничном Северокавказском регионе проблемы, связанные с чисто пограничным фактором, дополнялись еще и необходимостью обустройства внутренних границ, непосредственно самих субъектов. Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 мая 1993 г. (№ 432), в связи с созданием Ингушской Республики, была образована в составе 16 членов Государственная комиссия по определению границ республики (возглавлял заместитель председателя Совета Министров – Правительства Российской Федерации С.М. Шахрай). В соответствии с Законом РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» комиссии поручалось подготовить предложения по определению границ новой республики, приступить к практическому осуществлению планов.

Однако комиссия, несмотря на свою бурную изначальную деятельность, не завершила работу, ограничившись проведением совещаний, заслушиванием сообщений вице-президента Ингушской Республики В.Н. Агапова и других.

О работе по решению этого вопроса намекал заместитель председателя Государственной комиссии В. Шамшуров в информации, направлявшейся в Совет Министров Правительство Российской Федерации 30 августа 1993 года. В частности, он констатировал: «Из ответа, присланного в Комиссию за подписью заместителя Председателя Правительства Чеченской Республики М. Дошукаева, не следует с определенной готовностью чеченского руководства участвовать в работе Государственной комиссии по определению границ Ингушской Республики, созданной Правительством Российской Федерации».

Более того, затруднял продвижение вперед в решении вопроса и договор между Чеченской и Ингушской республиками «О принципах определения границ их территорий», заключенный 23 июля 1993 г. в г. Грозном. Он своим содержанием ставил Государственную комиссию в весьма сложное положение. Его Статья 2 трактовала, что стороны (Ингушская и Чеченская республики) «обязуются не допускать участия или посредничества в переговорах о территориальном размежевании какой-либо третьей стороны». Возникал сразу же вопрос: кого подразумевал договор под понятием «третьей стороны?» Официальные разъяснения по этому поводу отсутствовали. В договоре имелось упоминание о «государственной границе между Ингушской и Чеченской республиками», что также противоречило положениям Конституции Российской Федерации».

Одним словом, события с определением границ на Северном Кавказе разворачивались постепенно по тому же сценарию, что и в 1920–1930-е годы. Исследователь данного вопроса кандидат исторических наук И.Б. Дидигова (Ингушский государственный университет) замечает по этому поводу следующее: «Становилось очевидным, взаимоприемлемое разрешение территориальных проблем, связанных с урегулированием права на территории, земельные участки между Чечней и Дагестаном, Чечней и Ингушетией, Осетией и Ингушетией, Ингушетией и Грузией, Чечней и Грузией можно было достигнуть только благодаря целенаправленной государственной политике в сфере национальных отношений, в основе которой выступал бы главный принцип – принцип равноправия народов, справедливого отношения к ним» [3].

Таким образом, вопрос приграничных отношений и в масштабе субъектов Северного Кавказа приобрел большое значение в плане достижения стабильности в регионе, улучшения экономического состояния его составляющих, т.е. каждого из государственных образований, национально-культурного развития. Однако механизм решения пограничных споров не был достаточно эффективным. В прошлом решение этого вопроса сопровождалось ожесточенными столкновениями, спорами, обоюдными претензиями. Для

урегулирования этой ситуации пришлось отвлекать огромные усилия и Центра и непосредственно самих республик.

И, все-таки, почему к проблеме названных районов Чеченской и Ингушской республик вновь пришлось возвращаться и в 1990-е годы, и в последующем, почему они стали снова объектом обострения межэтнических отношений. Сунженский район, другие территории, вопрос об их принадлежности становится и объектом референдума, когда был поставлен вопрос о возможности участия жителей района в референдуме о поддержании Конституции Чеченской Республики и др.

Результаты. 10 августа 1919 г. Г.К. Орджоникидзе выступил на заседании СНК РСФСР с докладом, в котором приводил информацию тенденциозного характера о «привилегированности» казачьего населения на Тереке и Сунже, им извращалось истинное положение дел в станицах Терского казачьего войска. Возможно, что именно под влиянием этого доклада уже весной 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) фактически одобрило варварские акции Г. Орджоникидзе и его соратников по поголовному выселению казачьих общин станиц бывшей Сунженской линии. В этой ситуации методы Орджоникидзе мало чем отличались от тех, которые предлагались в директиве Яковом Свердловым.

20 января 1920 г. ВЦИК принял решение об образовании Автономной Горской Советской Социалистической Республики. Наряду с другими территориями в состав республики были включены правотеречная часть Кизлярского отдела и восточная часть бывшего Сунженского отдела.

И в 1920-е годы Сунженский отдел находился постоянно в центре внимания окружного Чеченского национального исполкома.

Трагическая судьба постигла 18 станиц бывшей Сунженской линии Терского казачьего войска, хотя здесь не имелось никаких реальных оснований утверждать о действительной угрозе советской власти. Уже за счет трех выселенных казачьих станиц ингуши были фактически удовлетворены землей. Поэтому дальнейшее выселение казаков с насиженных мест было совершенно нецелесообразным, так как в последующем удовлетворение землей могло бы проводиться «за счет земельных массивов Кабарды» [4].

Принудительные акции по выселению казачества с юга будоражили все население. Выселение казаков способствовало всплеску бандитизма, грабежей казачьих станиц чеченскими, ингушскими и осетинскими грабителями. Эти явления были характерны для первой половины 1920-х годов и в последующем [5].

На неоднократные обращения с просьбами – вернуть выселенных в свои станицы – ответ был один: «Объявить оставшимся казакам Сунженской линии, – читаем в воззвании СНК Горреспублики, – что, если они будут способствовать возвращению выселенных... то в отношении их будут приняты репрессивные меры» [6].

Отношения обрели напряженный характер особенно после выделения станиц из подчинения национальному Чеченскому исполкому. Им предпринимались различные меры по подчинению органов 17 казачьих станиц, имевшим в своем распоряжении 65 тыс. дес земли. Несомненно, Центром это рассматривалось как «нарушение прав национальных меньшинств». Согласно постановлению президиума ВЦИК от 20 января 1921 г. «Об административном управлении станиц ГАССР» станицам Горской Республики разрешалось иметь свои исполкомы. Процесс передачи дел из национальных окружных исполкомов, всячески затягивался.

15 марта 1922 г. Президиум СНК Горской Республики окончательно утвердил «Постановление о закреплении земель выселенных казачьих станиц за Чеченским и Ингушским округами» [7]. В конце июня 1922 г. в связи со сложной политической обстановкой было принято решение «ввести в ГАССР систему ревкомов» – чрезвычайных органов советской власти. 27 июня 1922 г. постановлением СНК ГАССР назначался состав Сунженского ревкома (Н. Попов, Еремин, Евграфов). Одновременно в Сунженском отделе велась работа по организации советов.

22 октября 1922 г. на проходившем заседании комиссии ЦК РКП(б) по вопросу о выделении Чечни из состава Горской Республики (командующий войсками Северного Кавказа – К. Ворошилов, секретарь Югостбюро ЦК РКП(б) А. Микоян, секретарь ЦК КП Азербайджана – С. Киров) было принято решение «выделить Чечню из состава

Гореспублики в автономную область с резиденцией в Грозном, не включая г. Грозный в состав автономной Чечни» [8].

Что очень важно, в этом же протоколе указывалось: «Сунженский казачий округ оставить в составе Горреспублики. Направить комиссию по установлению границ Чечни». 4 января 1923 г. Президиум ВЦИК на основе постановления от 23 ноября 1922 г. о проведении границ нового национально-государственного образования – Чеченской автономной области и выделении г. Грозного в самостоятельную административную единицу рассмотрел обстоятельно и этот вопрос. Границами автономной области признавались «границы Чеченского округа ГАССР с включением станиц Петропавловской, Горячеводской, Ильинской, х. Сарахтиновского Сунженского округа». Органы советской власти призывались «закончить передачу территории до 1 февраля 1923 года» [9].

Органам власти автономной Чеченской области сразу же пришлось заниматься урегулированием пограничных вопросов с оставшейся в составе Горской АССР (входили Ингушетия, Северная Осетия и Сунженский округ). Чеченский облисполком претендовал на присоединение к территории области станицы Ассиновской с ее землями, хут. Давыденко, объясняя это якобы «стремлением избежать чересполосицы». Комиссия по этому вопросу приняла решение «не производить какие бы то ни было переделы» [10].

5 мая 1923 г. на совместном заседании представителей от всех заинтересованных сторон, ГАССР, Назрановского окрисполкома, Чеченского облревкома, Горского комитета РКП(б) было принято постановление по временной границе между Чеченской автономной областью и ГА ССР, обсуждался также вопрос о существующих противоречиях между горцами-чеченцами с. Ачхой Мартан (Назрановский округ), возникшие из-за захвата ими земель, и жителей станицы Ассиновской, как отмечалось в резолюции, «где отношения обострились настолько, что грозят ежеминутно подойти к вооруженному столкновению» [11].

Из доклада Комиссии ГорЦИКа (5 июня 1923 г.) явствует, что решить вопрос местными силами не удавалось, хотя руководство ГА ССР всячески старалось «не допустить обострения межнациональных отношений». Судя по всему, этим объясняется и то, что представители ГорЦИКа «во избежание обострения национальных отношений между пограничным населением...» пошли на уступки, приняв срочное решение «считать границу, установленную комиссией (местной) временной, и поставить вопрос перед ВЦИКом» [12].

Действительно, к урегулированию споров пришлось возвращаться, но решался этот вопрос летом 1923 г. уже выездной Особой комиссией высшего контроля по земельным спорам в составе А.Е. Берзина, М.А. Горского, П.А. Стрелкова, Г.И. Иванова и др., образованной в феврале – марте 1924 года. Было принято постановление «отвести земли из наделов станицы Ассиновской для жителей Ачхой-Мартана» [13].

В составе республики остались также Осетия, Ингушетия «в виду единодушного желания работников Осетии и Ингушетии не разводить их трудности в решении судьбы Владикавказа» [14].

Создававшимся положением в Горской Республике были обеспокоены органы власти Сунженского округа. На состоявшемся заседании окружного парткома с участием А. Микояна в марте 1924 г. было заявлено, «ни казак с ингушом, ни осетин с ингушом в одну повозку не могут быть запряжены, большая разница в экономическом и культурном отношении» [15]. Заседание поставило вопрос о возможности присоединения к Грозному. А. Микоян отвечал: «В случае распада Горреспублики на Осетинскую и Ингушскую области, Сунженскому округу не выгодно идти с ингушами...» [16]. Как известно, население округа выразило свое желание сохранить округ как самостоятельную административную единицу [17].

В 1924 г. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) в письме в ЦК РКП(б) после анализа ситуации на местах, непосредственно в каждом из регионов Горской республики высказало мысль, что Горскую республику следует разделить на автономные области «из-за негативных отношений ГАССР и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) [18]. Вопрос был всесторонне рассмотрен на 2-й юго-восточной конференции РКП(б) и принята резолюция «Состояние парторганизации и вопросы партийного строительства в национальных областях», учитывалась и возможность возникновения острых противоречий в случае выхода из ГАССР Осетии и Назрановского округа (Ингушетия). Назрановский округ

реорганизовывался в Ингушскую автономную область, Владикавказский округ – в Осетинскую автономную область. Постановлением Президиума ВЦИК от 7 июля 1924 г. ГАССР была упразднена. Сунженский округ (с 24 августа 1924 г.) и Владикавказ оставались как самостоятельные административные единицы.

В ходе становления Ингушской автономной области неоднократно обострялись ее отношения с Сунженским казачьим округом. Причиной выступала нехватка земли в области. Все это сводилось к спорам по вопросу об установлении границы между округом и автономной областью в районе станции Ассиновской (Сунженский округ). Хотя паритетная комиссия под руководством председателя ВЦИК Извекова и определила границы между округом и Ингушской автономной областью. Однако органы власти автономной области выступали против принятого решения. Причина, как поясняется в документах, сводилась к ущемлению интересов автономной области.

Извеков, докладывая на Президиуме ВЦИК о проделанной работе на Северном Кавказе, констатировал о главном, «что по вопросу о границах споры происходят между Ингушской автономной областью и Северной Осетией; б) между гор. Владикавказом с одной стороны и Осетией и Ингушетией с другой; в) между Ингушетией и Сунженским округом. В основе всех этих споров лежит стремление каждой автономной единицы «выкроить для себя больше территории» [19].

Ингушской стороной было выдвинуто требование о включении в территорию области 10 тыс. дес земли в Алханчуртской долине, что, естественно, сразу же нарушало бы землепользование в пограничном районе.

В последующем Сунженский русский округ был ликвидирован. Спор не удалось разрешить ни Северокавказскому крайисполкому, ни местным ревкомам и исполкомам. Только в конце удалось определить границу актом добровольного соглашения представителей обеих сторон (автономная область – округ) в присутствии членов комиссии ВЦИК (Ш. Элиава, Фомин), члена исполкома краевого совета Толмачева. Пункт 3 документа гласил: «Сунженский автономный округ обязался передать Ингушской АО 10 тыс. дес в Алханчуртской долине, на почве взаимных уступок и взаимных обязательств в целом с одинаковой заботливостью охвативших интересы обеих договаривающихся сторон» [20].

Начиная с 15 октября 1924 г. Ингушская автономная область вошла в состав Юго-Восточного края.

Апрельский (1925 г.) пленум ЦК РКП(б) признавал в корне ошибочной политику, проводимую в отношении российского казачества. Он осуществил своеобразный пересмотр всех направлений работы с казачеством России. Хотя об этом громко и не объявлялось, тем не менее было налицо изменение официального подхода к русскому (казачьему) населению, и в союзных, и в автономных республиках Союза ССР. К сожалению, это происходило после 7 лет уничтожения казачества «поголовно». Начало практическому восстановлению прав казаков войск юга России положила резолюция пленума ЦК РКП(б) «По вопросу о казачестве» (апрель 1925 г.), в которой среди прочих мер разрешалось «признать допустимым районы с компактным казачьим населением в национальных областях выделять в отдельные административные единицы» [21].

Проводилось территориальное обустройство и в казачьих районах бывшего Терского казачьего Войска. В ноябре 1928 г. постановлением Северокавказского крайисполкома принималось решение о ликвидации Сунженского и Грозненского округа. Это было связано с передачей их под юрисдикцию Чеченской автономной области. Эта мера якобы обуславливалась отсталостью экономического развития названных округов, раздутостью штатов управления, бесперспективностью, необходимостью укрепления дружественных связей во имя процветания ранее угнетаемых царизмом народов. Каким образом это мера была воспринята в Сунженском округе, можно прочитать в «Обзоре политического состояния за октябрь 1928 г. (по сведениям ОГПУ). «Часть казачества, отдельные середняки и бедняки, проявляют боязнь, что с присоединением Сунжи к Чечне чеченцы отберут их земли, их выселят или в лучшем случае никакого улучшения в их жизни не произойдет и вместо русских во главе окружных властей станут чеченцы» [22]. К сожалению, прогнозы сунженские казаков оправдались. Часть территории Сунженского округа передавалась в ведение Моздокскому округу, часть (с центром в станице Павловской) – Чеченской автономной области.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории будущей *Республики Ингушетии* к концу 1980-х годов проживало 24,6 тыс. русских. Во многом это были наследники тех самых казаков. Согласно же переписи населения, проведенной в республике в сентябре 1992 г., численность русских составила 11 800 человек (4,8 %). Причем мигрировало главным образом трудоспособное население и интеллигенция. На начало 1999 г. на территории республики оставалось 4409 русских, в школах республики работали менее 100 русских учителей, а, например, в школах станицы Орджоникидзевской обучались только два ученика русские, в станице Троицкой – ни одного. Из всего русского населения Сунженского района в середине 1990-х годов оставалось чуть более 2,8 тыс. пенсионеров. Их возраст был 56 лет и старше, остальные вынужденно покинули станицу. В республике действовали в этот период отделение Конгресса русских общин и «Казачий круг» Республики Ингушетия [23].

Динамика уменьшения численности русских объясняется множеством причин, главной из которых остаются межэтнические противоречия. Так, за 1989–1993 гг. только из Сунженского района по этим причинам (очаг напряженности между ингушами и русским (казачьим) населением), а с января 1992 г. и по причине территориального конфликта между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия, покинули более 18 тыс. русских (около 75 % русского населения «ингушских» районов бывшей Чечено-Ингушской Республики).

Конфликт на территории Чеченской Республики сопровождался усилением потока иммигрантов на территорию соседней Ингушской Республики, около 50 тыс. человек в первой половине 1990-х годов. При этом эти процессы сопровождались также и вытеснением из Ингушетии русского населения, в первую очередь казачьего. За 1990-е годы из станиц Сунженского района, гор. Назрань, Малгобек и Карабулак выехало более 80 % проживавших там ранее казаков.

В 2006–2008 гг. был совершен ряд нападений на представителей русского населения республики, направленных явно на вытеснение русских с территории республики. В январе–марте 2006 г. было совершено около десятка подобных нападений. В начале мая 2006 г. на официальном сайте исламистов «Кавказ-Центр» появилось интервью некоего «амира Хабибуллы, руководителя Ингушского Джамаата «Шариат»», в котором он заявлял, что русское население республики отныне будет рассматриваться исламистами как «оккупационное» и «на законном основании» будет подвергаться атакам.

Обстановка обострилась и сопровождалась серией убийств граждан. 9 июня 2007 г. в результате покушения была убита заместитель главы администрации Сунженского района Республики Ингушской Г. Губина, непосредственно курировавшая процесс возвращения в республику русского населения. В ночь на 16 июля были убиты учительница математики школы в станице Орджоникидзевская Л. Терехина и двое ее детей. 18 июля во время их похорон на кладбище был произведен взрыв. Ранения различной степени тяжести получили шесть участников траурной церемонии. По мнению тогдашнего президента Ингушской Республики М. Зязикова, убийцы «хотели нанести удар по единственной в стране программе по защите русскоязычного населения». 31 августа 2007 г. в Карабулаке была расстреляна семья учительницы русского языка и литературы местной школы Вера Драгончук (погибли ее муж и два сына). 14 октября 2007 г. в Карабулаке неизвестные расстреляли русскую семью Кортиковых; три человека были убиты, одна женщина ранена. 26 августа 2008 г. в Сунженском районе Республики Ингушетия неизвестные проникли в частный дом и убили из огнестрельного оружия 52-летнего Василия Артемьева и его 21-летнюю дочь Оксану. По данным различных источников, в Республике Ингушетия оставалось менее 2 тыс. русских граждан.

В современных условиях спокойная обстановка позволяет снова обращаться к проблеме пограничного обустройства. Территориальный вопрос снова становится как бы приоритетной задачей бытия обеих республик. Вновь общества наступают на одни и те же грабли. Отсюда следует определенный вывод, что этот вопрос так и не получил собственного разрешения. Он требует юридического обоснования и выработки соответствующего нормативно-правового акта, с участием глав республик и общественных организаций – институтов гражданского общества.

Содержание беспокойства со стороны главы республики Р. Кадырова нашло обоснование непосредственно в его заявлении: «... Необходимо обратить внимание на вопрос об административной границе между двумя субъектами. Время для этого уже настало. Органы власти и общественные организации до сих пор не поднимали вопрос об установлении границ. Я, был твердо убежден, между чеченским и ингушским народами не нужна межевая линия. Что же мы наблюдаем сегодня? Оказывается, со стороны Ингушетии в одностороннем порядке происходит какое-то размежевание, ведется хозяйственная деятельность, строятся различные объекты на тех землях, которые при таком подходе нуждаются в определении их принадлежности юридическим путем» [24].

Оценка подобного вывода может быть различной. Территория длительное время оставалась без внимания. Вопрос о ней решался промежуточными органами государственной власти, несмотря на их нем легитимность. В экстремальной обстановке территория оправдано использовалась для хозяйственных целей.

Однако надо учитывать и тот факт, что исторически территория, во всяком случае, ее принадлежность относилась не только чеченскому сообществу, но и в первую очередь терскому (сунженскому) казачеству, а передавалась в пользование национальным округам в структуре Горской АССР. Вопрос с начала 1920-х годов постоянно оставался в центре внимания. Если он приобретает снова спорный характер, то решение его осуществляется Государственной комиссией. И заявления обоих лидеров республик об «исконно чеченской» или «исконно ингушской» принадлежности пограничных районов явно носят ошибочный характер.

С учетом событий, имевших место в Чеченской Республике, заявление главы Ингушской Республики Юнуса-Бек Евкурова более прогрессивного свойства, избрать путь бесконфликтного решения вопроса, в том числе в определении территориальных границ между субъектами – возможным может стать вариант «сохранения их (границ) в устоявшихся пределах». Несомненно, подобная формула может рассматриваться как альтернатива конфликту.

Как известно, в декабре 1992 г. Чечено-Ингушская АССР была разделена на две республики, что нашло отражение и в Конституции Российской Федерации. Однако общественность вправе поставить вопрос: почему проблема границ государственных образований не была решена. Виной этому, несомненно, в данном случае является слабая работа издававшейся государственной комиссии. Невыполнение указаний Правительства Российской Федерации свидетельствует еще и о слабой государственной дисциплине. Это отсутствие полного контроля над выполнением управленческих решений. Подобных примеров в российской практике более чем достаточно. Несомненно, с учетом этого, вряд ли звучит убедительно аргумент, «граница между Ингушетией и Чечней – она устоявшаяся». Пока граница не оформлена на государственном уровне в законодательном порядке, то проблемы, связанные с ней, конечно же, находится в стадии решения. Желание руководящих лидеров той или иной республики не могут быть основой окончательного решения вопроса. Только решение Государственной комиссии можно будет положить в основу решения проблемы в целом и соответствующего государственного акта по ней.

Из полемики по данной проблеме свидетельствует, что Ингушская Республика предлагает передать под ее юрисдикцию часть Сунженского района и часть Ачхой-Мартановского района. Территории этих районов входят также в состав Чеченской Республики. С учетом того, что этот район фактически волевым решением передавался на протяжении 1920-х годов в состав Чеченской и Ингушской автономных областей, затем Чечено-Ингушской АССР, то имеются все основания придерживаться изложенного предложения, т.е. поддержать обоюдно эту позицию.

В связи с этим полагаю бы отметить о не совсем верной позиции, занятой политологом Чеченской Республики Тимуром Музаевым, который в основу решения столь серьезной проблемы «закладывает» сам факт поведения того или иного лидера в данном случае. В основе, на наш взгляд, находится прежде всего историческая составляющая. И правильным ли будет занимать позицию только одной стороны.

Политолог Р. Мартагов полагает, что во всем повинен Кремль. Этот своеобразный затасканный стереотип в конкретном случае не срабатывает, да и не соответствует действительному положению дел. История вопроса опровергает подобную точку зрения.

Р. Мартагов отмечает сразу и о разделе Чеченской Республики, и создании очагов напряженности, и решении вопроса о Пригородном районе, и, наконец, о нарушении закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». В последнем случае следовало бы обратить внимание на условия принятия самого закона, учитывать и тот факт, что реабилитация чеченцев и ингушей, других этнических общностей Северного Кавказа, а также калмыков была завершена во второй половине 1950-х годов. Именно об этом было заявлено во всеулышание и на Общероссийском совещании министерств и ведомств РСФСР, а также глав правительств республик, на территории которых этнические общности подвергались репрессивным воздействиям, 25 августа 1960 г. в гор. Нальчике [25]. От Чечено-Ингушской АССР на этом совещании присутствовал известный политик того времени – заместитель председателя Совета Министров республики С.-А. Атиев.

По мнению Р. Мартагова, «...любой управляемый конфликт (надо полагать из Кремля. – Н.Б.) можно использовать только для одного – для укрепления власти в России» [26]. По нашему мнению, для Кремля было бы более выгодным существование единой и неделимой России, какой она и пребывала до 1917 года. И это, кстати, начинают понимать и другие этнические общности, отбросив проблемы борьбы за границы внутри своей государственности.

Все это требует тщательной просветительской работы в обществе, его подготовленности к подобным мерам. Возможно, это требование пока еще не находит поддержки в массовом сознании. Однако не исключена вероятность роста числа его сторонников [27]. Об этом факте свидетельствует и анализ объемной переписки писем граждан с государственными структурами в 1990-е годы о положении русской общности в регионах России.

Еще в декабре 1997 г. совет Кумыкского народного движения «Тенгелик» («Равенство»), как и другие граждане (Республика Дагестан) в своих письмах констатировали: «На Северном Кавказе проблему межнациональных отношений можно решить только одним непобедимым законом: *все нации, народности возвратит на свои места до 1917 г.* [28], а кумыкскую нацию «положить» на свои рамки до 1860 года. Вот так только можно восстановить правду и создать на Северном Кавказе мир, спокойствие. Другого пути нет» [29]. Развитие современных процессов в сфере межэтнических отношений применительно к Северному Кавказу как раз и подтверждает правильность подобных выводов.

Судя по всему, русские будут иметь такие же права, как у татар, чеченцев, ингушей и других титульных этнических общностей, только в условиях наличия своей государственности или ликвидации всех ныне существующих национальных государственных образований на территории России. В этом плане привлекает внимание исследование Г.Г. Какоева. Он пишет, что еще академик А. Сахаров предлагал уравнивать в правах все национально-административные образования СССР, упразднить, таким образом, многоступенчатое политико-национальное устройство Советского Союза.

Опираясь на этот посыл, Г.Г. Какоев делает свой вывод: «Разносортность народов изначально несет в себе потенциальную опасность кровопролитных межнациональных конфликтов, и напротив: уравнивание в правах разрядило бы эти мины замедленного действия» [30]. Только в этих условиях, вероятно, можно вести речь о равенстве прав народов в условиях единой и неделимой России.

Несомненно, для самого формирования Ингушской Республики была характерной определенной спонтанность. В первую очередь это проявлялось и федеральными структурами. Сказывалась экстремальная ситуация в регионе. Президент Б. Ельцин, подписал Указ о новом государственном образовании на территории России без наличия таких обязательных положений о символах государственности как обозначенная столица, границы и др. Верно по этому поводу замечает в своем письме В. Дубнов: «Никто Москву больше не тревожил, вопрос выглядел решенным, и это касалось региональной идиллией и торжеством вертикальных властей» [31]. А жизнь вносит свои коррективы. При принятии государственных актов остается неперменным условием наличие прогностического принципа.

В этом плане вызывает интерес письмо-обращение, направлявшееся в декабре 2002 г. бывшим депутатом Российской Федерации Б. Богатыревым, председателем

Координационного совета Ингушского общественного центра в Москве Д. Хучиевым, председателем Президиума Межрегионального общественно-политического движения «Возрождение Ингушетии» С. Наурбиевым, главным редактором независимой газеты «Ингушское слово» М.-Р. Плиевым, в адрес руководителей Российской Федерации (В.В. Путин, М.М. Касьянов, Е.С. Строев, Г.И. Селезнев). В письме было предложено подготовить проект на сей раз обобщающего закона о реабилитации репрессированных народов и жертв политических репрессий.

В конкретном случае в общих требованиях обращалось внимание и на «казачий вопрос», в частности при анализе ситуации с ходом территориальной реабилитации, связанной главным образом с Пригородным районом, просьбами о снятии ст. 3, 6 закона. Авторы письма давали толкование ст. 67 Конституции России и отмечали, что, по их мнению, ее неверное понимание и толкование. Статья, констатировали авторы письма, «имеет в виду неизменность границ национальной территории конкретных субъектов, а не территорий, отобранных И. Сталиным у ингушей, кабардинцев, казаков, чеченцев-аккинцев и переданных осетинам, лакцам, аварцам».

В письме авторами также было изложено признание насильственного изъятия земель, принадлежавших российским казакам, советской властью, начиная с 1918 года. Правда, авторы не указывают, кем же были заняты высвободившиеся территории, и почему в национальных республиках Северного Кавказа были ликвидированы целые казачьи районы в ходе бесконечно длившегося обустройства национальных республик, в т.ч. Чечено-Ингушской АССР. Исчезали именно казачьи отделы, округа и т.д. и, в конечном счете, было изъято и почти все русское население не только в Республике Дагестан, но на территории Ингушской Республики, а уж о Чеченской Республике, и говорить не приходится.

Авторы письма также констатировали о том, что «хватит на нашей земле места и осетинам, и казакам, и другим, живущем в Пригородном районе, и на территории Малгобекского района» [32]. Наверное, это самый сильный гуманный вывод – «жить по-соседски, в мире», вероятно, в тех условиях, как сложилось это исторически.

Несомненно, осетины не воевали в 1940–1950-е годы с оружием в руках за Пригородный район. Решение по этому вопросу принималось специальной комиссией, как тогда считалось, что оно по своему содержанию было гуманным, и более удобным, как и в 1950-е годы, когда передавались районы Ставропольского края под юрисдикцию Чечено-Ингушской АССР [33]. Ход событий военного времени внес свои коррективы, в т.ч. и территориальное обустройство народов Юга России. В эти процессы были втянуты многие этнические общности, в том числе российские казаки.

В центре внимания этот вопрос нашел отражение и в письме председателя Народного Собрания Республики Ингушетия Р.С. Плиева [34]. На сей раз оно касалось Сунженского отдела республики, на территории которого в период образования Чечено-Ингушской Республики абсолютное большинство населения составляли казаки и ингуши. В последующем республике приходилось отстаивать свое право на принадлежность района. И в этом случае апеллировали к ч. 3 Ст. 67 Конституции России, которой толковались условия изменения границ.

Дело еще и в том, что упоминавшаяся созданная для этих целей в 1995 г. Государственная комиссия по определению границ между Ингушской Республикой и Чеченской Республикой (Положение об этой комиссии было утверждено 16 марта 1996 г.) не решила проблемы до конца, границы между республиками ею определены не были. Республика Ингушетия воздерживалась от одностороннего определения границ. И вновь нерешенность этого вопроса дорого обошлась казакам Сунженского района. В 1980–1990-х годах экстремисты неоднократно пытались силой захватить Сунженский район, жителей станиц, граничащих с Чеченской Республикой, в основном казаков, вынуждали покидать насиженные места, после чего на части Сунженского района незаконно провозглашали создание одноименного района Чеченской Республики [35].

Выход из ситуации Р.С. Плиев усматривал в необходимости законодательным порядком «исключить из перечня административно-территориальных единиц, указанных в проекте Конституции Чеченской Республики (ст. 59. ч. 5) Сунженский район» [36].

В данном случае вывод должен быть одним – совместное проживание – залог успехов развития, возможность проживания представителей любой этнической общности, там, где

будет востребован ее производственный ресурс и творческий, духовный потенциал. Непременным условием отношений должно быть исключение фактора границ в качестве определяющего в выработке форм сотрудничества и межэтнических контактов.

На основании Указа Президента России от 12 февраля 2003 г. № 401 было утверждено Положение о референдуме. Референдум был проведен в Чеченской Республике 24 марта 2003 года. Несмотря на то, что руководство Республики Ингушетия распространило свою юрисдикцию на район, жителям Сунженского района предоставлялось право на участие в указанном референдуме. По его итогам более 90 % зарегистрированных в Сунженском районе избирателей (общее число избирателей – 13,54 тыс. человек) поддержали Конституцию Чеченской Республики (утверждалась Указом Президента России от 12 декабря 2002 г. № 140) [37].

Заключение. Конечно, исторические реалии учитывались в центре, и в определенной мере являлись основой для совершенствования нормативно-правовой базы в отношении российского казачества.

По моему мнению, 2003 г. был переломным в решении этого вопроса. Перед чеченским референдумом, принятием Конституции Чеченской Республики главы администраций республик – Чеченской и Ингушской А. Кадыров и М. Зязиков подписали протокол, согласно которому в составе Чеченской Республики находился Сунженский район с двумя населенными пунктами – станица Серноводская и Ассиновская, а остальная часть района, на основании Соглашения оставалась под юрисдикцией Ингушской Республики. Чем руководствовался А. Кадыров, вероятно, соблюдением мира на этом клочке земли, необходимостью устранения конфронтации во имя грядущего. Какими принципами в этой ситуации будут руководствоваться их последователи, каким образом они полагают обеспечить мир и гражданское согласие, покажет время.

Примечание:

1. См.: *Бугай Н.Ф.* Новые лица российской государственности: министр Республики Дагестан Магомед Салех Гусаев // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей. IX–XXI вв. Материалы III Международной научной конференции. 1 марта 2012 г. Липецк, 2012. С. 302.

2. Эта сторона вопроса изложена в статье: *Серова Е.* За Россию возьмется после Сирии и Ирана // <http://www.utro.ru/2012/08/08/1064054.shtml>

3. *Дидигова И.Б.* Чечня и Ингушетия: территория, границы, управление. М.: Инсан, 2003. С. 74.

4. Коммунист (Ростов-на-Дону). 22 сентября 1920.

5. В спецполитсводке за 26 марта № 70/273 констатировалось: «Постоянные налеты бандитских шайк со стороны Чечни и Ингушетии мешают восстановлению сельского хозяйства казаков Сунженского округа, увеличению посевплощади и угрожают полным разорением крестьянства. В Чечне и Ингушетии есть целые селения, стремящиеся уничтожить соседние казачество за притеснения горцев в дореволюционное время». (См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Том 1. Часть 2. М., 2001. С. 827.

6. ГАРФ. Ф. 1318, оп. 1, д. 179, л. 136.

7. РГАСА, Ф. 65, оп. 1, д. 139, л. 18.

8. ГАРФ. Ф. 1318, оп. 1, д. 645, л. 91.

9. ЦГА ЧР. Ф. 584, оп. 1, д. 1, л.1.

10. См.: ЦГА СОР-А. Ф. 41, оп.1, д. 176, л. 11.

11. ЦГА ЧР. Ф. 824, оп. 1, д.1, л. 38.

12. ЦГА РСО-А. Ф. 41, оп. 1, д. 165, л. 335.

13. ГАРФ. Ф. Р – 1235, оп. 1, д. 134, л. 145.

14. Там же. Ф. 1235, оп. 2, д. 2, д. 805, л. 61.

15. ЦГА ЧР. Ф.227, оп. 1, д. 7., л.11–12.

16. ЦГА СО-А. Ф. 41, оп. 1, д. 168, л. 158.

17. *Врублевский Ф.И.* Руководящая роль КПСС в создании советской национальной государственности чеченского и ингушского народов. 1920–1926 гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. Махачкала, 1964. С. 13.

18. ЦГА ЧР. Ф. 374, оп. 1, д. 20, л. 1.

19. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии). Ростов-на-Дону, 1997. С. 58.

20. ЦГА РСО-А. Ф. 824, оп. 1, д. 1, л. 37.

21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 171

22. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. (1922–1934 гг.). Том 6. М., 2002. С. 538.

23. Информация заместителя председателя Правительства Республики Ингушетия Я. Патиева в адрес первого зам. министра национальной политики Российской Федерации В.А. Печенева от 17 марта 1999 г. Копия.

24. См.: <http://www.habar.org/?p=14497> 7 августа 2012 г.

25. См.: *Бугай Н.Ф.* Проблемы реабилитации репрессированных этнических общностей: мнения и дискуссия // Известия СО ИГСИ. Вып. 4 (43). Владикавказ, 2010. С. 87–141.

26. См.: Что не поделили Кадыров и Евкуров // <http://www.svobodanews.ru/content/article/24689611.html>; 31 августа 2012.

27. В частности, по данным, полученным ВЦИОМ, среди опрошенных респондентов 16 % считает, что Россия должна стать государством исключительно для русских. 33 % москвичей и петербуржцев выразили недовольство тем, что мигранты, в первую очередь представители народов Северного Кавказа и Закавказья, не желают принимать нормы общественных отношений, действующие в России. 22 % — видят в мигрантах конкурентов на рынке труда.

28. До Октябрьской революции 1917 г. Чечня входила в Терскую область вместе с Хасавюртовским округом, заселенным ауховскими чеченцами и кумыками. Установление советской власти в этих районах сопровождалось ожесточенной Гражданской войной (См. подробнее: Чеченский кризис. Вып. 8. М., 1995).

29. Служебная записка Департамента национальностей на имя зам. министра Российской Федерации по делам национальностей и федеративных отношений В.А. Бауэра (обзор писем за 2-е полугодие 1997 г.). Копия. С. 3.

30. См.: *Какоев Г.Г.* Южная Осетия – путь к свободе. Цхинвал: «Южная Алания», 2009. С. 41.

31. См.: *Дубнов В.* Безграничный конфликт Опубликовано на сайте Интернет.

32. Коллективное обращение (Б. Богатырев, Д. Хучиев, С. Наурбиев, М-р. Плиев) по вопросу о законопроектной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в сфере законодательства о реабилитации репрессированных народов и жертв политических репрессий от 13 ноября 2000 г. // Текущий архив Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации. Ноябрь 2000 г. Копия.

33. См.: *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (Документы, факты, комментарии). Ростов-на-Дону, 1997. С. 172–175.

34. Письмо председателя Народного Собрания Республики Ингушетия Р.С. Плиева (Обращение депутатов Народного собрания Республики Ингушетия, принято 13 февраля 2003 г.) на имя председателя Правительства Российской Федерации М.М. Касьянова от 13 февраля 2003 г. Копия.

35. Там же.

36. Там же.

37. Служебная записка начальника Департамента регионального развития Аппарата Правительства Российской Федерации Н.Г. Коренева на имя заместителя председателя Правительства Российской Федерации В.Б. Христенко от 31 марта 2003 г. // Текущий архив Департамента. Выписки. Март 2003 г.

УДК 94

**Ингушская и Чеченская республики:
Сунженский район и другие сопредельные территории
не есть основа для споров...**

Николай Федорович Бугай

Институт Российской истории РАН, Россия
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Аннотация. Рассмотрен вопрос о формирующихся отношениях между Чеченской и Ингушской республиками. В основе выступает – право на административный Сунженский район. Принята попытка показать эволюцию самой проблемы. К сожалению, в споре двух лидеров республик прослеживается проявление фактора персонифицированности в государственной политике, отсутствует мнение самих народов – чеченцев и ингушей, а третий – русские в силу исторических событий потеряли в этом споре, как свидетельствуют реалии, актуальность.

Ключевые слова: Сунженский район; округ; казачество; принудительные переселения; государственное строительство; народ; границы; конфликты.